

ФАБРИКА АНГЕЛОВЪ.

(Изданія „Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiи“.)

Не ждите сонета отъ полкового писаря, скульптуры отъ зубного врача, изслѣдованія о неоплатонизмѣ отъ массажиста, — и литературныхъ достоинствъ отъ нѣкоего таинственнаго автора, пожелавшаго, какъ многотысячные благодетели, остаться неизвѣстнымъ. Онъ скрылся за безликимъ названіемъ своей книжицы: «Изь жизни нашихъ героевъ воинь». Изданіе Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiи (о нѣмецкихъ звѣрствахъ). Кто авторъ этой книги? Какова его біографія? Его прошлое? Его наслѣдственность? Явные и тайные пороки? Неизлѣчимыя болѣзни? Тяжелые ушибы въ дѣтствѣ?

Для потомства все это останется тайной...

«Офицеръ вынулъ изъ кармана маленькіе щипчики, точь-точь-точь такіе, какими колютъ сахаръ. Онъ пощелкалъ ими и подошелъ къ Пилюгину... Не торопясь, засунулъ щипчики въ ротъ Пилюгину и, зацѣпивъ ими языкъ, вытянулъ его изо рта наружу. Мгновеніе... И стоявшій рядомъ солдатъ перочиннымъ ножомъ отрѣзалъ Пилюгину кончикъ языка... Нѣмецкій солдатъ протягиваетъ ему на ладони маленькій красненькій комочекъ — кусокъ его языка.

— Эй, русская свинья, — крикнулъ Миллеръ. — Мы отведемъ тебя къ генералу, тамъ тебя еще покромсаютъ немощко...»

Откуда это? Изъ разухабистаго сборника веселыхъ солдатскихъ разсказовъ подъ зазвонистымъ заголовкомъ: «Солдаты, попадающіе и унтеръ Штанишкинъ» или «Какъ фельдфебель цѣлый германскій полкъ въ плѣнъ взялъ», съ иллюстраціей, изображающей казака, нанизывающаго на пику нѣсколько десятковъ нѣмцевъ, безъ различія пола, возраста и вѣроисповѣданія? Ничуть не бывало! Все это взято изъ официальнаго изданія, отпечатаннаго въ Сенатской типографіи, и подъ каждымъ разсказомъ имѣется даже соответствующій номеръ слѣдственнаго дѣла!

Какъ ловкій расторопный ярославецъ, безъ усталости торгующій въ лавкѣ и потѣшающій покупателей веселыми прибаутками, казенный беллетристъ подсовываетъ одинъ сюжетъ другого забористѣе.

— Что прикажете? Все, сударь, въ нашемъ торговомъ домѣ имѣется. Отрѣзаннаго язычка не желаете? Напрасно... Самый свѣжій. Последняго присыла. Всѣ хвалятъ... Можетъ быть, чѣмъ-нибудь другимъ могу исполнить вашъ почтеннѣйшій заказъ? Не хотите ли краснаго товара? Вотъ, пожалуйста:

«Пѣхотинцы за шею повѣшены, на поясахъ болтаются — лица страшнѣнныя, черныя, языки повысунуты. У одного солдата носъ отрѣзанъ, у другого ухо, а у третьяго глаза выколоты и въ одномъ глазу германскій штыкъ торчитъ».

— Не прикажете? Тогда разрешите что-нибудь политическое? Посвѣтлѣе, въ горошинку:

«Какъ узналъ нѣмецъ, что на японца-то мы поистратились, такъ и напалъ на насъ по разбойному. Сдѣлаю народъ православный батраками нѣмецкими».

— Хорошо? Можно? А вотъ не хотите ли на жилеточку? Свѣтленькое, съ рябью:

«Его раздѣли догола и положили въ деревянный гробъ (это на передовыхъ позиціяхъ-то!), обитый внутри жестью. Потомъ крышку гроба закрыли и заперли на замокъ охватывавшія его желѣзныя цѣпи».

Бойкій коробейникъ со слезами въ голосъ разсказываетъ о такомъ нѣмецкомъ звѣрствѣ:

«Одна за другой мелькаютъ страшныя картины плѣна... Однажды нѣмцы рѣшили свести больныхъ въ баню, гдѣ ихъ вымыли, остригли и натерли мазью отъ вшей».

Бр!... Страшно!... Отъ этого звѣрства положительно морозъ по кожѣ пробѣгаетъ...

А вотъ еще одинъ, какъ говорятъ, «аналогичный случай былъ въ Одессѣ»:

«Тутъ выдернулъ онъ изъ моихъ штановъ рубашку, закинулъ ее мнѣ на голову, какъ щипцами захватилъ кожу на лѣвомъ боку, оттянулъ ее пальцами, ажно зашатался я, и сталъ рѣзать тѣмъ самымъ складнымъ ножомъ. Вскричалъ я отъ сильной боли и сталъ корчиться, но онъ дорѣзалъ, какъ хотѣлъ, и тутъ же бросилъ предо мной на полъ кусокъ моего тѣла мало съ ладонь». (!...)

Расписался бойкій раешникъ! Ничего не пожалѣлъ! И щипчики, и кожа и «мало, тѣла съ ладонь». Недаромъ въ одномъ мѣстѣ этой книги послѣ разсказа раненаго солдата своимъ односельчанамъ о томъ, какъ нѣмцы «пилами все нутро наружу выворачивали». — «Удавить! Зарубить идоловъ! Псамъ скормить поганыхъ!» — забурлили парни.

.... Сидитъ слѣдственный редакторъ и говоритъ слѣдственному писателю:

— Ну, ужъ вы, пожалуйста, что-нибудь позабористѣе. А то въ прошлый разъ блѣдно-ватое у васъ, милѣйшій...

— Хотите что-нибудь насчетъ костей или языко-отрѣзательное?

— Да нѣтъ, батенька, старо это. Вы что-нибудь посвѣжѣе.

— Эврика! Нашель!... Не угодно ли — такія милыя, изящныя полосы изъ человѣческой кожи. Снимаются ножомъ, саблей или лучше всего специальнымъ аппаратомъ: «Эпидерминъ». Патентованъ во всѣхъ странахъ или — «Нѣтъ больше кожи!»

— Удобно ли?... Похоже на средство противъ угрей или лысины?...

— Ничего! Выйдетъ великолѣпно. Вѣрте мнѣ.

Слѣдственный писатель сѣлъ за работу. Черезъ часъ появился новый разсказъ. Снятіе кожи посредствомъ особаго аппарата было описано такъ реально, что даже плакали; многие обращались съ запросами — откуда можно выписать этотъ аппаратъ; мадридскій капитанъ Лого-ди-Безоніо, утверждавшій, что его «Хромобромоскопъ» «идеально выводитъ веснушки», рвалъ на себѣ волосы и завидовалъ конкуренту; а слѣдственный писатель блаженно улыбался.

Приближалось двадцатое число...

Бор. Мирскій.

Рис. В. Лебедева.

ЧТЕНІЕ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬѢ.

Дѣвочка (читаетъ): — «... Будуаръ графини былъ весь покрытъ штофомъ...»

Слушатели (слезливая): — Вотъ жили люди, а? Это какой же величины штофъ долженъ быть?